

Роман Михайлов

ТОЧКА КОНТАКТА

Роман Михайлов
Точка контакта

«Автор»

2026

Михайлов Р.

Точка контакта / Р. Михайлов — «Автор», 2026

Рома с детства знает про Европу, ледяной спутник Юпитера, всё: состав льда, глубину трещин, температуру на полюсах - отец-биолог рассказывал об этом с тех пор, как Рома себя помнит. Отец улетает туда вахта за вахтой и ищет в подлёдном океане что-то большее, чем простую жизнь, - хотя большинство коллег давно махнули на эту идею рукой и в глаза, и за глаза называют её пустой тратой времени. Когда Роме наконец удаётся полететь с отцом на станцию «Гляциос», он натывается в архиве данных на то, что не должно там быть, странные, слишком правильные сигналы со дна ледяного разлома, повторяющиеся из года в год. Специалисты называют это помехами. Рома в этом не уверен. Вместе с новыми друзьями он начинает собственное, тайное расследование - и с каждым днём всё яснее понимает: кто-то на станции очень не хочет, чтобы правда об этих сигналах вышла наружу. «Точка контакта» - я повесть о тайне, спрятанной подо льдом, и о мальчике, который не готов сдаваться, пока не узнает правду.

© Михайлов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Обещание под Новый год	5
Глава вторая. Пять месяцев ожидания	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Точка контакта

Глава первая. Обещание под Новый год

Если бы Рому Фёдорова спросили, чего он хочет на Новый год больше всего на свете, он бы не задумался ни на секунду. Не нового нейробраслета, хотя старый давно тормозил и показывал прошлогодние карты звёздного неба. Не поездку на лунный курорт, куда собирался улететь на новогодние каникулы весь его класс. И уж точно не хорошие оценки по биоинженерии, которые упорно требовала от него классная руководительница.

Рома хотел увидеть отца.

Это, если разобраться, было желание не из простых. Потому что отец Ромы, Артём Михайлович Фёдоров, находился в этот момент примерно в шестистах миллионах километров от московской кухни, где его сын сидел и грыз карандаш над домашним заданием. Шестьсот миллионов километров - это, на минуточку, расстояние от Земли до Юпитера, и преодолеть его не помогал ни один, даже самый дорогой, новогодний подарок.

Карандаш, кстати, был самый настоящий, деревянный - Рома любил старые вещи. Весь класс давно писал прямо в воздухе, водя пальцем по светящимся строчкам, а Рома таскал в рюкзаке бумажную тетрадь и грифельный карандаш и терпел насмешки. «Фёдоров, ты из какого века выпал?» - хохотал Дима Кравцов, первый задира и первый бездельник. Рома не обижался. Ему нравилось, что карандаш не нужно заряжать, что он пахнет деревом и что им можно чертить схемы прямо на полях - кривые орбиты, разрезы ледяной коры, стрелочки течений. Учителя ворчали, но терпели: по астрономии и биологии у Ромы всё равно не было равных во всей школе, а по всей Москве он входил в десятку лучших.

Просто он знал то, чего не знали и не хотели знать другие. Он знал, как выглядит край Солнечной системы. Ему рассказывал отец.

Отец был биологом. Не из тех, что разводят в пробирках светящиеся помидоры или выводят котов без аллергенов, - таких в две тысячи девяносто девятом году было пруд пруди. Артём Фёдоров занимался работой куда более странной и, как считал Рома, в тысячу раз более интересной: он изучал жизнь, которая зародилась не на Земле. Чужую жизнь. Подо льдом.

У Юпитера есть спутник по имени Европа. С виду - гладкий ледяной шар, исчерченный рыжими трещинами, холодный, как сердце двоечника перед контрольной: минус сто шестьдесят градусов на поверхности. Но подо льдом, на глубине в десятки километров, плещется океан. Настоящий, жидкий, солёный океан - воды в нём вдвое больше, чем во всех морях Земли, вместе взятых. Лёд не даёт ему замёрзнуть, а тепло идёт изнутри: огромный Юпитер своей чудовищной тяжестью мнёт и тискает маленькую Европу, и от этого вечного сжатия её недра греются, как греются ладони, если их быстро-быстро потереть.

А где есть вода и тепло, там есть и жизнь - это давно доказали. Вопрос был в другом: насколько та жизнь сложна.

Большинство учёных считали, что не очень. Ну, микробы. Ну, рачки да черви у донных источников - всё, на что способна тёмная вода. Стоило ли ради придонной мелочи мечтать о большем и год за годом мотаться через половину Солнечной системы? Артём Фёдоров считал, что стоило: он один из немногих верил, что в таком огромном и древнем океане может скрываться кое-что посерьёзнее червей. Над ним посмеивались. Отец только улыбался в ответ и улетаł снова. Вахта за вахтой, год за годом. Полгода на Европе, потом домой, отъесться и отоспаться, - и опять туда, на станцию «Гляциос», к своим трещинам и батискафам.

Рома знал про Европу всё. Он мог с закрытыми глазами начертить карту её трещин, перечислить состав льда и объяснить, чем приливный разогрев отличается от радиоактивного. Он знал про отцовскую работу больше, чем про самого отца. Потому что отца он видел всего

лишь по шесть месяцев в год, между двумя вахтами. И каждый раз, когда Артём Михайлович снова собирал свой потёртый кофр и уезжал в космопорт, внутри у Ромы что-то сжималось и долго не отпускало.

- Опять считаешь дни? - спросила бабушка, заглянув на кухню.

- Считаю, - честно сказал Рома. - Папа прилетает двадцать девятого. Осталось восемь дней.

- Если ничего не сорвётся, - проворчала бабушка, но тут же осеклась, заметив, как вытянулось лицо внука. - Прилетит, прилетит. Куда он денется. Делай уроки.

Уроки в этот вечер не делались совершенно. Рома сидел, подперев щеку кулаком, и вспоминал, как сегодня в школе всё опять началось.

- А мой отец, между прочим, на Луне отель строит, - хвастался Дима Кравцов на перемене. - Настоящий, на сто этажей, с видом на Землю. На каникулы полетим - закачаешься. А твой - всё со своими микробами возится? За тыщу миллиардов километров - и ради козявок?

Класс посмеивался. Рома мог бы сказать многое. Что до Юпитера не тыща миллиардов, а всего шестьсот миллионов, и неплохо бы Кравцову подтянуть астрономию и математику. Что эти «козявки» живут в океане, который вдвое больше всех земных морей, в немыслимой древней тьме, - и что один такой океан интереснее тысячи лунных отелей, потому что отель может построить кто угодно, а целый живой мир под чужим льдом не построишь, его можно только найти. Что его отец не просто «считает червяков», как смеются за глаза, - он ищет в той бездне что-то посложнее. И верит, что найдёт.

Но Рома ничего не сказал. Он давно понял: объяснять бесполезно. Кто чувствует - тот и так поймёт, а кто не чувствует - тому хоть весь океан Европы вычерпай, он увидит только воду. Поэтому Рома просто пожал плечами и отвернулся к окну, где над школьным двором кружили снежинки, медленные и крупные, совсем как органический «снег», что вечно падает в глубинах Европы - мёртвые крошки жизни, опускающиеся из верхних слоёв океана на тёплое дно. Об этом «снеге» ему тоже рассказывал отец.

Мама Ромы, Екатерина Александровна, работала врачом в городской клинике - лечила людей и вечно опаздывала с дежурств, зато умела одним словом успокоить и разогнать любую беду. А бабушка, Татьяна Аркадьевна, мамина мама, давным-давно перебралась к ним помогать с хозяйством, да так и осталась: ворчала, пекла настоящие, не синтезированные пироги и страшно не любила космос. Космос, по её твёрдому убеждению, был выдуман нарочно, чтобы отнимать у матерей и бабушек их мальчиков - сначала забирал зятя на полгода, а теперь, чего доброго, нацелился и на внука.

- Свернёшь ты себе шею со своими звёздами, - вздыхала она, поглядывая на отца, но за этим ворчанием пряталась такая любовь, что на бабушку никто никогда всерьёз не сердился.

Рома отодвинул тетрадь и наконец посмотрел в окно. За окном лежала зимняя Москва две тысячи девяносто девятого года - над крышами бесшумно скользили беспилотные аэрокары, расцвечивая снег цепочками огоньков, да висели в воздухе мягко светящиеся объёмные витрины. «С наступающим две тысячи сотым!» - переливалось над площадью. Круглая дата, стык веков. Весь город готовился к большому празднику.

А Рома готовился к двадцать девятому декабря.

Отец прилетел двадцать девятого.

Он ввалился в квартиру под вечер - огромный, обветренный, пропахший тем особым, ни на что не похожим запахом, который Рома про себя называл «запахом космоса»: смесью металла, озона и регенерированного воздуха. Кофр он бросил прямо в прихожей, и Рома врезался в отца с разбегу, как маленький, хотя ему уже стукнуло тринадцать и он считал себя совершенно взрослым.

- Ого, - крикнул отец, поднимая его на секунду в воздух - в земной тяжести это далось ему с трудом, мышцы за полгода отвыкли. - Да ты вырос на голову! Скоро меня перерастёшь.

- Не скоро, - счастливо пробубнил Рома ему в плечо. - Ты вон какой.

Следом отца обняла мама - крепко, молча, прижавшись щекой к его плечу, как прижимаются, когда полгода ждали и боялись поверить, что дождутся. Екатерина Александровна успела примчаться с дежурства, ещё пахнувшая больничным антисептиком, и теперь стояла, не отпуская мужа, и смотрела на него так, будто проверяла, весь ли он тут, целиком, ничего не растерял по дороге через половину солнечной системы.

- Живой, - сказала она тихо. - Загорел даже. Это где же ты на Юпитере загорел?

- Кварцевые лампы, Катюш, - рассмеялся отец. - Чтоб совсем не одичать в темноте.

Вечер был лучшим за полгода. Бабушка наготовила столько, что стол трещал. Отец рассказывал - про то, как корабль идёт всю дорогу с постоянным ускорением, разгоняясь до середины пути и тормозя вторую половину, так что под ногами всю неделю держится вес, почти как дома, а в час разворота наступает короткая невесомость и можно, хохоча, ловить в воздухе оторвавшиеся от стола крошки; про то, как Юпитер из дрожащей жёлтой звёздочки к концу пути распухает в гигантский полосатый шар на полнеба, а Солнце за кормой, наоборот, съживается до яркой точки; про то, как в одном из юпитерианских вихрей - Большом Красном Пятне - целиком утонула бы вся Земля; про то, как на Европе ходишь, будто во сне, потому что тяжесть там в семь раз меньше земной, и неосторожно подпрыгнув, можно улететь под потолок.

Рома слушал, боясь моргнуть. Мама слушала, подперев подбородок ладонью, и улыбалась - больше мужу, чем его рассказам. Бабушка слушала, поджав губы, и подкладывала зятю добавки, словно хотела за один вечер откормить его на все полгода вперёд.

- А жизнь? - не выдержал наконец Рома. - Пап, ну что жизнь? Нашли что-нибудь новое?

Отец помолчал, гоняя вилкой по тарелке кусок бабушкиного пирога.

- И да, и нет, - сказал он наконец. - Жизнь там есть, это давно не новость. У донных источников, где тепло, целые оазисы: всякая мелочь - крохотные членистоногие вроде наших рачков, примитивные черви, ползучая придонная живность. Их открыли ещё мои предшественники, я лишь описываю новые виды да слежу, как они живут. - Он усмехнулся. - Знаешь, как теперь говорят? «Фёдоров считает европейских червяков». Обидно даже.

- Но это же здорово! - возмутился за отца Рома. - Целый живой океан на другой планете!

- Здорово, - согласился отец. - Только, во-первых, Европа не планета, а спутник, не путай. А во-вторых... видишь ли, сынок, мы уже не первый год знаем, что мы во Вселенной не одни. Ещё до Европы простейшие микроорганизмы нашли на Венере - в облаках над полярными областями, единственное место, где у этого пекла терпимая температура. Микробы в венерианских тучах, рачки в европейском океане - жизнь, оказывается, цепляется за любую щель, где есть тепло и вода. Это уже доказано, к этому привыкли. - Он подался вперёд, и глаза у него загорелись. - А мне мало.

- Мало? - удивилась бабушка. - Тебе мало, что ты бога за бороду поймал?

- Мне кажется, там есть кто-то сложнее, - тихо сказал отец, и глаза у него стали такие, каких Рома почти не помнил, - горящие, молодые. - Понимаешь, мать, океан огромный. Глубже земного. Тёмный, тёплый, древний - он там плещется миллиарды лет, в полном мраке, под ледяной крышей. У жизни было сколько угодно времени. Я нутром чую: там, в глубине, есть что-то ещё. Что-то, что мы пока не разглядели, потому что смотрим не туда и не так. Но я разгляжу. Дайте срок.

- А как же они там живут, без солнца-то? - спросил Рома, хотя прекрасно знал ответ. Ему просто хотелось, чтобы отец рассказывал ещё и ещё.

- А им солнце и не нужно, - оживился отец, и было видно, как он соскучился по тому, чтобы говорить о своём деле с тем, кому это и вправду интересно. - Вот в чём чудо, сынок. У нас на Земле почти всё живое держится на свете: трава ловит солнце, травой кормится зверь, зверем - другой зверь. Убери солнце - и всё погаснет. А там, на дне Европы, солнца никогда не было и не будет. Зато есть горячие источники - трещины в каменном дне, откуда бьёт про-

гретая, насыщенная минералами вода. Целые подводные печи. И вокруг них кишит жизнь, которая ест не свет, а тепло и химию недр. Оазисы во тьме. У нас на Земле такие тоже есть, на дне океанов, - «чёрные курильщики», слышал? Так вот, вся Европа - это, может быть, один сплошной чёрный курильщик размером с целый мир.

- И там темно? Совсем-совсем? - Рома знал, что темно. Но ему нравилось представлять.

- Чернее не бывает, - кивнул отец. - Ни лучика. Хотя не то чтобы там совсем без огней: мы уже не первый год ловим там сотни видов светящейся мелочи - рачки, черви, всякая мелкота, у которой в темноте свой собственный маленький фонарик вместо солнца. Дело обычное, у нас на Земле, на такой же глубине, то же самое. Но знаешь, что я думаю? - Он понизил голос, будто делился великой тайной. - Если там, в этой тьме, кто-то всё-таки доплыл умом до того, чтобы замечать друг друга, договариваться, - тот свет, которым остальные просто светятся не думая, он возьмёт и превратит в слова. Вот бы и там так. Вот бы спуститься - а навстречу из мрака выплывает не просто огонёк, какой я хоть сейчас тебе на видео покажу, а самое настоящее слово.

Бабушка фыркнула:

- Начитался ты, Артёмка, сказок в детстве. Тебе бы не в учёные, а в сочинители.

- Одно другому не мешает, мать, - рассмеялся отец. - Хороший учёный наполовину сочинитель. Сначала вообрази невозможное, потом иди и проверь. Так все великие открытия и делались.

Рома слушал, боясь моргнуть, и где-то глубоко внутри у него уже зрело, разгоралось то, чего он сам ещё не сознавал, - будущее всей его жизни. Огонёк во тьме. Слово, выплывающее навстречу.

- Свернёшь ты себе шею со своими глубинами, - буркнула бабушка и пошла за чаем.

А Рома смотрел на отца и думал, что вот за это, наверное, его и любит больше всего: за то, что отец, взрослый, серьёзный человек, до сих пор верит в невозможное - и не стесняется этого.

Гром грянул на самый Новый год.

Они сидели вчетвером перед большим экраном, наклеенным на стену, по которому шла традиционная новогодняя трансляция - с курантами, с видами праздничных городов Земли, Луны и марсианских куполов. До полуночи оставалось меньше часа. Бабушка дремала в кресле. Отец возился со своим рабочим планшетом - даже в праздник он то и дело проверял сводки со станции, ничего не мог с собой поделать.

И вдруг он замер. Нахмурился. Перечитал что-то на экране. Потом тихо, очень странным голосом, позвал:

- Рома. Иди-ка сюда.

Рома подошёл. Отец смотрел на него снизу вверх, и на лице у него было написано такое, что у мальчика ёкнуло сердце: смесь растерянности, вины и чего-то ещё, чему Рома пока не знал названия.

- Тут вот такая штука, - медленно сказал отец. - Пришёл график на следующий год. И вахта на этот раз особенная - короткая. Всего три месяца, с первого июня по конец августа.

- Короткая? Почему? - не понял Рома.

- Точно не знаю, но скорее всего, потому что планеты удачно встают, - отец оживился, как всегда, когда речь заходила о небесной механике. - Летом Земля и Юпитер окажутся по одну сторону от Солнца, почти в одну линию, - это называется противостояние. Дорога между ними укорачивается чуть не вдвое. В такие окна иногда гоняют короткие смены: туда-сюда успеваешь, пока окно открыто. Осенью планеты разойдутся, путь растянется - и следующая вахта будет уже длинная, как обычно. А эта - летняя, быстрая.

- Лето, - повторил Рома. И тут же похолодел, поняв. - Это же... это мои каникулы. Все. С первого июня по тридцать первое августа.

- Это твои каникулы, - кивнул отец. - Все три месяца, день в день. И первого сентября ты - за парту, как штык. Ничего не пропустишь.

Вот оно. Опять. Рома уже знал этот разговор наизусть, они проходили его каждый год, только с разными временами года. «Прости, сынок, работа. Прости, сынок, далеко. Прости, сынок, в следующий раз». Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы сказать, как всегда, бодрое и взрослое «да я понимаю, пап, всё нормально», за которым прятал каждый раз одно и то же тоскливое детское «не уезжай».

Но отец вдруг сделал то, чего не делал никогда. Он взял Рому за плечи, развернул к себе и посмотрел прямо в глаза - серьёзно, без всякой взрослой снисходительности, как смотрят на равного.

- Я подумал, - сказал Артём Михайлович, - что, может, хватит уже мне летать одному. Раз вахта выпала на твои каникулы... - Он перевёл дыхание, словно сам не верил тому, что собирался сказать. - Полетели со мной, Ром. На Европу.

В комнате стало очень тихо. Только куранты на экране отсчитывали последние минуты старого века.

Рома стоял и молчал. Внутри у него всё обрушилось и тут же взлетело - так бывает, когда лифт слишком резко трогается вниз, а потом вверх. Ему показалось, что он ослышался. Что это новогодняя шутка, и сейчас отец рассмеётся и скажет «да куда тебе, мал ещё».

- На... Европу? - выдал он наконец шёпотом. - По-настоящему? Туда?

- По-настоящему. Туда. - Отец улыбался, но в глазах у него была тревога - он явно ждал, что сейчас вмешаются мама и бабушка, и вмешаются громко. - Понимаешь, я ведь сколько лет об этом думал - и всё не решался: вахты длинные, по полгода, по школе ты бы целый класс пропустил, какая уж тут поездка. А тут - короткая, летняя, аккурат в твои каникулы. Будто специально для нас с тобой окно открыли. Грех не воспользоваться. Тебе будет тринадцать с половиной, медкомиссию пройдёшь, подготовку - тоже, времени навалом. Детей на станцию пускают, если с родителем и если здоров - там, на «Гляциосе», народ со всего света, и семьи бывают, не первый случай.

- Что?! - Бабушка, дремавшая в кресле, проснулась мгновенно, будто и не спала. - Куда пустят? Кого пустят? Артём, ты в своём уме? Ребёнка - к чёрту на рога, за шестьсот миллионов вёрст?!

- Мама, погоди, - Екатерина Александровна подняла руку, и голос её был тих, но в нём звякнул металл, какой бывает у врачей и у матерей. - Артём. Ты понимаешь, о чём говоришь? Это не на дачу свозить. Это три месяца. Радиация, давление, твои батискафы, до ближайшей больницы - недели лёту. Я врач, я знаю, чем это пахнет.

- Знаю, Катя, - отец не отвёл взгляда. - Поэтому и не решался все эти годы. Но станция надёжнее любого города на Земле - там по-другому нельзя, там за каждую жизнь держатся обеими руками. Со всего мира лучшие люди, лучшая медицина. А риск... риск есть и здесь, когда он через дорогу в школу идёт.

- И слышать не желаю! - снова вступила бабушка. - Там холод, там твои железные гробы, в которых вы тонете! Я тебя одного-то каждый раз как на войну провожаю, а тут - дитя!

- Бабушка! Мама! - Рома наконец обрёл голос, и голос этот зазвенел так, что обе разом осеклись. - Миленькие, пожалуйста!

Он сам не заметил, как оказался посреди комнаты - между отцом в кресле, привставшей бабушкой и мамой, застывшей с прижатой к груди рукой. И столько всего сразу было в его лице - мольбы, восторга, ужаса, что вот сейчас, сию секунду, мечта всей его жизни может сбыться или лопнуть, - что обе женщины запнулись.

За окном с тихим шипением взлетела первая новогодняя ракета. Потом вторая. Небо над Москвой начало расцветать огнями.

- Катя. Татьяна Аркадьевна, - сказал отец тихо, и в голосе его не было больше ни вины, ни сомнения - одна спокойная твёрдость. - Я понимаю ваш страх. Я сам боюсь, поверьте. Но я там не первый год. Я знаю эту станцию как свои пять пальцев. И я не прощу себе, если так и буду всю жизнь улетать от сына, вместо того чтобы хоть раз взять его с собой и показать... показать ему то, ради чего живу. Он же наш. Он всё это понимает лучше иных взрослых. Пусть увидит своими глазами.

Мама долго молчала. Потом подошла к Роме, взяла его лицо в ладони, заглянула в глаза - своим особым, врачебным и материнским разом взглядом, от которого ничего не утаишь.

- Ты ведь без этого теперь не сможешь, да? - сказала она тихо. - Я же вижу. Ты уже там, весь, до последней косточки.

Рома только кивнул, боясь спугнуть.

Екатерина Александровна вздохнула - глубоко, как перед прыжком в холодную воду, - и повернулась к мужу.

- Если хоть один волос с его головы, Артём ... - начала она, и не договорила, и это было страшнее любой угрозы. А потом вдруг разом обмякла, обняла сына и прошептала ему в макушку: - Лети. Только возвращайся. Оба возвращайтесь.

Бабушка посмотрела на дочь, на зятя, на внука с его горящими, упрямыми глазами - и поняла, должно быть, что осталась в меньшинстве, а спорить со всей семьёй разом бесполезно, как бесполезно спорить с ветром.

- Шею себе свернёте, - сказала она наконец слабым голосом и махнула рукой. - Все вы. Только чай горячий сначала допейте, путешественники.

И тут грянули куранты.

Двенадцать ударов, гулких и торжественных, поплыли над притихшей комнатой, над ворчащей бабушкой, над мамой, что украдкой смахнула слезу, над отцом и сыном, которые стояли, обнявшись, и смотрели в окно, где над Москвой, над Землёй, над стыком двух веков распускались, как огромные светящиеся цветы, новогодние огни.

Начинался две тысячи сотый год.

И где-то невообразимо далеко, за шестьюстами миллионами километров чёрной пустоты, в вечной тьме под многокилометровым льдом, в тёплом солёном океане спутника по имени Европа, что-то медленно поднималось из глубины к свету. Что-то, чего ещё не видел ни один человек.

Но Рома пока об этом не знал. Рома просто стоял, прижавшись к отцу, и впервые в жизни не считал дни до его отъезда.

Потому что на этот раз - он улетал вместе с ним.

Глава вторая. Пять месяцев ожидания

Если бы кто-то спросил Рому, что такое время, он бы не стал, как учитель физики, рассказывать про относительность и про то, что для разных наблюдателей секунды текут по-разному. Он бы просто сказал: смотря чего ждёшь.

Время от Нового года до конца учебной четверти тянулось как нагретая на солнце смола. Время от каникул до следующих каникул обычно пролетало со свистом. А вот время от двенадцатого удара курантов, когда отец сказал «полетели со мной, Ром», до первого июня, когда им предстояло наконец отправиться к Юпитеру, - это время вело себя как-то совсем по-особенному. Оно тянулось медленно, мучительно медленно - и одновременно почему-то стремительно таяло, как лёд в кулаке: вроде только что было пять месяцев в запасе, а оглянулся - остался месяц, потом две недели, потом семь дней.

Рома прозвал эти пять месяцев «большой подготовкой» и с первого же января взялся за дело так, как не брался ни за одну школьную четверть.

Началось с книг - точнее, с того, что Рома называл книгами, хотя бабушка ворчала, что это «не книги, а одно недоразумение»: объёмные обучающие модули, которые разворачивались прямо в воздухе над столом и позволяли не просто читать про Европу, а ходить вокруг неё, увеличивать, заглядывать внутрь. Школьную астрономию Рома знал назубок уже давно - трещины, состав льда, приливный разогрев он мог пересказать хоть среди ночи, разбуди его. Теперь он шёл дальше: выпросил у мамы доступ к настоящему университетскому курсу астробиологии, а потом, осмелев, и к закрытой научной библиотеке - той, что для специалистов, со свежими статьями, спорами между лабораториями и вопросами, на которые пока ни у кого не было ответа.

Эти пять месяцев у отца, к счастью, выдались на удивление свободные от перелётов: между вахтами его пригласили читать спецкурс по астробиологии в большом международном научном институте - туда съезжались студенты и стажёры со всего света, готовившиеся когда-нибудь сами полететь к дальним лунам. Каждое утро отец уезжал читать лекции и сидеть на семинарах, а Рома то и дело отпрашивался у мамы или у бабушки после уроков и ехал к нему - не столько слушать студенческие занятия, сколько ловить отца в перерывах, в институтской столовой или прямо в опустевшей аудитории, и забрасывать вопросами, до которых не докопался сам.

- Пап, - спросил он однажды, устроившись на краю преподавательского стола, пока отец взмахом ладони сворачивал повисшую в воздухе голограмму с формулами - экран сложился, мигнул и растаял, - а правда, что вы до сих пор толком не знаете, что там, на самом дне? Я читал три статьи про последние погружения - и в каждой свои цифры, спорят чуть ли не до драки.

- Чистая правда, - отец отпустил погасшую проекцию и сел рядом, явно довольный, что разговор не про школьную программу. - Понимаешь, поверхность мы излазили вдоль и поперёк, тут и спорить давно не о чем - карты, составы, возраст льда, всё разложено по полочкам. С дном сложнее. Рачков и червей у источников нашли ещё мои предшественники, лет за десять до меня, но нашли на самых верхних, самых доступных участках дна, там, где океан не такой страшный, давление терпимое и беспилотным дронам туда добраться по силам. А вот что там, ниже, - настоящая тайна. Каждый год техника совершенствуется, дроны и батискафы ныряют чуть глубже прежнего, на километр-другой, и каждый раз с новой глубины приходят новые, ещё более странные данные. Год за годом мы как будто спускаемся по лестнице, ступенька за ступенькой, и конца этой лестницы пока не видно.

- А в новой статье писали, что данные с последних дронов вообще не складываются ни в одну из старых моделей, какие-то всплески, которые никто не может объяснить. Это правда, или просто шум в приборах?

Отец помедлил с ответом, чуть дольше, чем обычно, но рассмеялся, не снисходительно, а тем особым смехом, каким смеются, когда понимают, что ученик вот-вот их перегонит.

- Тоже читал, значит. Да, всплески есть, фиксируются не первый месяц, и чем глубже забираются наши аппараты, тем их больше. Половина коллег говорит - шум, погрешность аппаратуры, ничего интересного. Другая половина не спит ночами, пытаюсь понять, что это. Я пока воздерживаюсь - слишком мало данных. А вот этим летом данных должно прибавиться сразу и сильно: тем же рейсом, которым полетим мы с тобой, на станцию везут новую партию дронов и батискафов - куда более глубоководных, рассчитанных на давление, какое прежняя техника просто не вынесла бы. Если повезёт, мы первыми в истории спустимся туда, куда раньше не доходил вообще никто. Так что, может, и узнаем этим летом - вместе с тобой.

Рома записывал. У него завелась отдельная тетрадь - да-да, бумажная, как и положено, куда он заносил не азы, а именно нерешённое, спорное, непонятное даже взрослым: то, что предстояло распутывать уже там, подо льдом. К концу января тетрадь была исписана наполовину мелким, торопливым почерком, испещрена стрелочками, схемами и жирно подчёркнутыми вопросительными знаками.

Но одно дело - знать про Европу всё из учебников, и совсем другое - оказаться готовым туда полететь по-настоящему. И тут начиналось то, что Рома про себя называл «скучной частью», хотя на деле скучно ему не было ни секунды.

Сперва - медкомиссия. Целый день в большой светлой клинике, куда Рому привезла мама, и привезла не как врач, везущий пациента, а как мама, которая весь день держала себя в руках, чтобы не показать, до чего ей тревожно. Рому просвечивали, обследовали, заставляли дышать в трубочки и приседать под разными приборами; молодой улыбчивый врач с весёлыми глазами объяснил, что ищут самое важное, как организм переносит длительные перегрузки и долгое пребывание в искусственной гравитации, и нет ли в крови ничего такого, что радиация могла бы разбудить не в лучшую сторону.

- У вас отличное сердце, молодой человек, - сказал врач под конец, разглядывая объёмную картинку, висящую в воздухе. - И лёгкие как у спортсмена. Космос вас примет.

Рома чуть не запрыгал на месте, но вовремя вспомнил, что ему тринадцать с половиной, а не семь, и сдержался, почти.

А вот мама не сдержалась. Когда они вышли из клиники, она вдруг остановилась посреди улицы, обняла сына и прижала к себе так крепко, что у Ромы хрустнули рёбра.

- Mam, - пробормотал он, - все же хорошо. Сердце отличное.

- Знаю, - сказала Екатерина Александровна, и голос у неё был странный, будто она одновременно улыбалась и боролась со слезами. - Знаю, лучше всех знаю, я ж сама врач. Просто, понимаешь... - Она помолчала, подбирая слова. - Я каждый день в больнице вижу, как хрупко устроен человек. Самое крепкое сердце на свете не защитит тебя от всего. А ты летишь туда, куда я не могу долететь за тобой, если что-то случится. Туда даже скорая не долетит, Рома. Понимаешь?

Рома кивнул, вдруг посерьёзнев. До этой минуты Европа была для него картой, цифрами, тайной подо льдом. А тут, на полной людей московской улице, она вдруг стала чем-то ещё - местом, куда мама не сможет дотянуться рукой, если ему станет плохо.

- Я буду осторожным, - сказал он. - Честное слово.

- Знаю, что будешь стараться, - вздохнула мама. - Только в тринадцать лет ещё не очень понимаешь, что значит «осторожным» там, где сама земля под ногами - чужая.

После медкомиссии началась настоящая подготовка - та, ради которой стоило вставать по утрам затемно.

Дважды в неделю Рома ездил в Центр подготовки - невзрачное с виду здание на окраине Москвы, которое внутри оказалось похоже на огромный механический конструктор. Там был зал с настоящей центрифугой: длинная рука, на конце которой крепилась кабина, и эта

рука раскручивалась всё быстрее и быстрее, вжимая человека в кресло. Технологии этой было больше века - придумали её ещё в позапрошлом, двадцатом столетии, когда людей только-только начинали готовить к первым орбитальным полётам, - но за сто с лишним лет никто так и не изобрёл ничего надёжнее: тело по-прежнему училось терпеть перегрузку точно так же, как училось это делать тело самого первого космонавта. Старо - не значит плохо, любил повторять отец. Инструктор - крепкая, коротко стриженная женщина по имени Альбина Витальевна, прошедшая когда-то больше двух десятков вахт на Марсе и Луне, - гоняла Рому по нарастающей.

- Не бойся перегрузки, бойся паники, - повторяла она, как мантру. - Тело перегрузку выдержит. А вот голова, если запаникует, наделает глупостей. Дыши. Считай вдохи. Смотри в одну точку.

Первые разы у Ромы темнело в глазах и сжимало грудь так, что хотелось закричать «стоп». Но к началу марта он уже спокойно переносил перегрузки разгона - те самые, что ждали его на корабле по пути к Юпитеру, - и даже начал находить в этом странное мальчишеское удовольствие: вот тело вжимается в кресло, а ты, вопреки всему, дышишь ровно и считаешь про себя «раз, два, три», и центрифуга, рычащая и грозная, тебе уже не страшна, а почти что подвластна.

Но самым потрясающим - без всяких сомнений - оказалась невесомость. Настоящая.

Рома, по правде говоря, в космосе бывал и раньше - дважды летал с родителями на Луну, в прошлые папины отпуска, и оба раза прыгал там в одну шестую земного веса, как кузнечик, восторженно визжа. Была, конечно, невесомость и в те разы - корабль и до Луны шёл на тяге с постоянным ускорением, разгон, торможение, и в краткий миг разворота тяжесть на секунды пропадала. Но длилось это всякий раз не дольше пары минут, да ещё пристёгнутого в кресле, между мамой и папой, среди общего «ой, смотри, смотри!» - толком прочувствовать ничего не успевалось, только ёкало в животе, и всё. Настоящей же, обстоятельной, прожитой от и до невесомости - той самой, что ждала его на неделю пути к Юпитеру в час разворота корабля, он не испытывал ни разу.

А устроилось все на удивление просто - впрочем, чему тут удивляться: в наше время свозить подростка в космос ради нескольких часов тренировки не сложнее, чем свозить в бассейн. В конце концов, школьные классы возили на Луну экскурсиями не реже, чем когда-то возили на Чёрное море, - почему бы не отправить будущего покорителя Юпитера на орбиту, благо до неё рукой подать. Рому с группой таких же ребят, готовившихся к дальним вахтам с родителями, посадили в кабину орбитального лифта прямо на окраине Москвы - того самого лифта, что вознёс человечество к звёздам без единой ракеты, и того самого, который сорок лет назад своими руками строил родной Ромин дедушка по отцовской линии, инженер Михаил Фёдорович. Об этом Рома, забравшись в кабину, не преминул с гордостью напомнить соседям.

Подъём занял меньше часа - тихий, плавный, без всякого грохота стартующих ракет, только тяжесть в теле понемногу слабела. Зато на самой верхней станции, куда в конце концов прибыла кабина, Рому со всей группой сразу же перевели на борт небольшого орбитального челнока - а тот уже не висел на тросе, а летел сам по себе, по кругу, в свободном падении вокруг планеты. И вот тогда, отстегнув ремни в учебном модуле челнока, Рома впервые в жизни оттолкнулся от стены и поплыл.

Это было не похоже ни на что. Ни на прыжки по Луне, ни на папины рассказы, ни на видео, которые он пересматривал десятки раз. Тело вдруг переставало быть тяжёлым, переставало вообще что-либо весить, и весь мир становился странно правильным: верха и низа не существовало, существовало только направление, в котором ты решил плыть. В большом круглом иллюминаторе модуля висела Земля, целиком, вся, синяя с белыми разводами облаков, и Рома, зависнув посреди воздуха, смотрел на неё, и в груди у него что-то переворачивалось - медленно, торжественно, как сама планета за стеклом.

- Вот теперь, - сказала инструктор станции, наблюдавшая за ним с лёгкой улыбкой, - у тебя будет с чем сравнивать, когда дойдёт до настоящего разворота. Большинство пугается в первый раз. А ты, я гляжу, сразу освоился.

Рома только засмеялся в ответ и сделал ещё один плавный кувырок - просто потому, что мог.

Дома же тем временем шла своя, тихая подготовка - без центрифуг и орбитальных вылетов, зато с куда большим количеством переживаний.

Бабушка, поначалу решительно настроенная против всей этой затеи, постепенно сдавала позиции - но сдавала по-своему, упрямо и ворчливо. Она вдруг взялась штудировать всё, что только можно найти про устройство станции «Гляциос», и теперь за ужином засыпала отца вопросами не хуже Ромы - только спрашивала не про радиацию линий, а про то, сколько врачей на станции, что будет, если кончится еда, и правда ли, что «эти ваши батискафы» хоть раз да тонули.

- Татьяна Аркадьевна, ну какие батискафы тонули, - урезонивал её отец. - Они не подводные лодки, они спускаются под лёд на тросе и с полным резервированием систем...

- Ты мне не заговаривай зубы, Артём, - отрезала бабушка. - Я уже два месяца это всё читаю. Знаю, что такое резервирование. Хочу знать - кто и как часто проверяет эти ваши тросы.

Отец, надо отдать ему должное, не отмахивался: подробно, терпеливо, иногда смеясь, иногда сам не на шутку напрягаясь под перекрёстным допросом, объяснял всё снова и снова. И постепенно, слово за словом, страх бабушки не исчез - настоящий страх никогда не исчезает совсем, - но стал другим: из слепого, того, что кричит «нет, ни за что», он превратился в зрячий, тот, что знает опасность по имени и потому уже не так оглушает.

Волновались, впрочем, не только в Москве. Из Петербурга, из загородного дома с яблоневым садом, каждую неделю звонили бабушка Юля и дедушка Миша - родители отца. Звонок обычно начинался одинаково: сперва в кадре возникала встрёпанная мордочка Дони, которая, едва слышав знакомые голоса из динамика, вспрыгивала на стол и принималась облаивать экран с таким азартом, будто собиралась лично разобраться с угрозой; потом из-за собачьего гвалта выныривали смеющиеся бабушка с дедушкой и долго утихомиривали свою чихуахуа, прежде чем начать разговор всерьёз.

Бабушка Юля, отдавшая судам и безнадёжным делам не один десяток лет, расспрашивала с адвокатской дотошностью - какие у станции допуски, кто несёт ответственность за безопасность детей на борту, есть ли страховка. А дедушка Миша, всю жизнь простоявший у чертежей орбитального лифта, неизменно сворачивал разговор на технику и, в отличие от московской бабушки, тревожился как-то спокойнее, по-инженерному: расспрашивал не «а вдруг что случится», а «какая там у вас система резервного жизнеобеспечения и сколько у неё степеней защиты» - и, получив исчерпывающий ответ, удовлетворённо кивал, будто сам только что подписал станцию в эксплуатацию.

- Я ведь лифт свой тоже без единой аварии тридцать лет держал, - говорил он Роме под конец почти каждого звонка. - Не потому что повезло. Потому что каждый болт я знал в лицо. Ты там, Рома, тоже всё знай в лицо, что вокруг тебя стоит и работает. Тогда и бояться нечего.

- Дедушка у нас фаталист от инженерии, - фыркала бабушка Юля. - А я по старой привычке всё равно подстрахуюсь сразу с трёх сторон. Профессиональная деформация - что поделать.

Рома эти звонки очень любил - особенно ту минуту, когда Доня, не выдержав долгого молчания людей, снова влезала мордой в камеру и преданно сопела прямо в объектив.

А мама... мама готовилась по-своему - тише всех, незаметнее всех, и оттого, может быть, труднее всех. Рома однажды ночью, встав попить воды, увидел свет в её комнате и осторожно заглянул. Екатерина Александровна сидела за столом, обложившись медицинскими справоч-

никами - настоящими, бумажными, древними, доставшимися ей, кажется, ещё от собственной бабушки, - и выписывала что-то в блокнот убористым врачебным почерком.

- Mam? Ты чего не спишь?

Она вздрогнула, обернулась, и Рома увидел на столе список - длинный список симптомов, лекарств, доз, написанный для кого-то, кто, очевидно, не она сама.

- Аптечку тебе собираю, - сказала мама просто, не пытаясь спрятать листок. - На станции, конечно, своя медицина, хорошая медицина, лучше нашей городской, наверное. Но мне так спокойнее. Хочу, чтобы у тебя в рюкзаке было то, что я сама проверила и сама подписала.

Рома подошёл, сел рядом, обнял маму за плечи - неловко, как обнимают подростки, которым кажется, что они уже слишком взрослые для объятий, но которым объятия всё равно нужны.

- Я вернусь, мам, - сказал он. - Целым и невредимым. Обещаю.

- Обещай лучше, что будешь слушаться отца, - улыбнулась она сквозь усталость. - Это вернее любого обещания вернуться целым и невредимым.

На майские праздники вся семья - отец, мама и Рома - выбралась наконец в Петербург, повидать вторых бабушку с дедушкой перед долгой разлукой. Дорога заняла от силы час: скоростной поезд на магнитной подушке нёсся между городами так плавно, что чай в стакане даже не подёргивался.

Михаил Федорович встречал их на станции лично - за джойстиком собственного аэрокара, выдавшего виды, но ухоженного до последнего болтика, как и положено машине бывшего инженера. И первое, что он сделал, едва обняв внука, сына и невестку, - усадил всю семью в кабину и торжественно объявил, что устраивает им «экскурсию длиной в полгорода», раз уж следующая встреча случится теперь нескоро.

Экскурсию эту дедушка устраивал, честно говоря, при каждом их приезде - из года в год, одним и тем же маршрутом, теми же байками, той же присказкой про «экскурсию длиной в полгорода». Мама с папой давно знали наизусть, в каком месте он скажет про пустырь и гироскутер, а в каком - про зубы древнего зверя. Но раз за разом все послушно занимали свои места в кабине и слушали заново с таким же удовольствием, как в первый раз, - потому что дедушка Миша рассказывал так, что даже отлично известная история звучала свежей, а виды на майский Питер с высоты птичьего полёта - те и вовсе никогда не приедались, каждый раз казались новыми: город внизу лежал весь в цветущих скверах, в солнечных бликах на воде, и от этой красоты неизменно перехватывало дыхание, сколько бы раз её ни видел.

Аэрокар бесшумно скользил над Невой, и дедушка, как заправский гид, показывал то, что видел своими глазами - настоящий, не книжный - целый век. Облетели стороной шпиль Адмиралтейства, повисели над сверкающим куполом восстановленного после очередной реставрации Исаакия, заглянули сверху во двор Эрмитажа, где у входа, как и сто, и двести лет назад, толпились туристы - только теперь среди них попадались и гости с Луны, легко узнаваемые по характерной, чуть подпрыгивающей походке людей, отвыкших от полной земной тяжести. Облетели вереницу дворцов вдоль набережных, а потом дедушка повернул машину к заливу - показать Кронштадт с его старинными морскими фортами, потемневшими от времени, но всё ещё гордо торчащими из воды, как зубы древнего зверя.

- А вот это, - сказал он, закладывая широкий вираж над сверкающей на солнце чашей купола, - выросло уже при мне. Институт Глубокого Космоса, видишь? Раньше тут пустырь был, я подростком тут на гироскутере гонял. А теперь отсюда людей на Марс отправляют, между прочим.

Показал он им и Звёздную арку - высоченное, в полнеба, кольцо из тонких опор, перекинутое через залив, под которым теперь проходили учебные суда курсантов космофлота, и плавучий квартал Новой Голландии, давным-давно отстроенный заново и теперь покачивавшийся прямо на воде огнями кафе и мастерских.

Бабушка Юля всю экскурсию просидела позади, держа на коленях вырывающуюся Доню, и то и дело подавала с заднего сиденья ехидные адвокатские реплики - мол, «осторожнее, Миша, а то прокатим внука перед Юпитером, а до самого Юпитера не довезём». Но когда аэрокар наконец сел во дворе родового дома и все высыпали наружу, размяться после полёта, бабушка вдруг крепко-крепко обняла Рому и долго не отпускала.

- Знаешь, - сказала она тихо, ему одному, - я ведь полжизни доказывала в судах, что справедливость есть, даже когда кажется, что её нет. А вот справедливо ли это - отпускать тебя так далеко - я для себя так и не решила. Просто буду ждать. И верить, что ты там окажешься нужнее, чем здесь, дома.

Вечером, за большим столом в саду, возле баньки, среди яблонь, дедушка разлил всем чай и поднял свою чашку, как бокал.

- За инженеров и за тех, кто строит будущее, - провозгласил он. - И за тех, кто летит туда первым. Возвращайся со своими открытиями, Рома. А мы тут будем держать оборону на земле - мы привычные.

Доня, как будто понимая торжественность момента, твякнула один раз и улеглась Роме точно на ноги - и он ещё долго потом вспоминал тяжесть её маленького тёплого тела, стрекот майских жуков в траве и две пары встревоженных, любящих глаз, провожавших его на следующее утро на перроне Московского вокзала.

К середине мая подготовка набрала такой ход, что дни замелькали совсем уж быстро. Учебный год Рома закончил как обычно, день в день со всем классом, - все контрольные написал, все зачёты сдал в срок, никаких поблажек и никакого отставания: каникулы есть каникулы, а на первое сентября он должен быть за своей партией, как обычно. Разве что классная руководительница, узнав о планах на лето, только руками развела и сказала на прощание, что такого сочинения «как я провёл лето», как будет у Ромы этой осенью, не случится, наверное, ни у кого в школе. Дима Кравцов, услышав об этом, неожиданно перестал задираться и вместо этого завистливо засыпал Рому вопросами - видно, лунный отель отца внезапно показался ему не таким уж и крутым рядом с настоящим спутником Юпитера.

Был собран и не раз пересобран багаж - лёгкий, продуманный до последней мелочи: термобельё особого плетения, личный планшет с закачанной библиотекой (бумажную тетрадь и любимый деревянный карандаш Рома, конечно, тоже не забыл - куда же без них), мамина аптечка, амулет на удачу - потёртый медный пятак неведомого происхождения, который, по уверению бабушки Юли, прошёл с их семьёй три войны и плохого ещё никому не приносил.

И вот настал последний день мая. Чемоданы стояли в прихожей. Билеты, точнее, посадочные коды, мерцающие на запястье у каждого синей полоской - были оформлены: Шереметьево, утренний рейс, вылет к орбитальной станции, а оттуда, через сутки пересадки на корабль «Стрела», уходящий прямым курсом к Юпитеру.

И именно в этот вечер, когда оставалось, казалось бы, только лечь спать и проснуться уже почти что космонавтом, пришло письмо.

Рома увидел, как изменилось лицо отца, когда тот развернул сообщение в воздухе над столом, - и сердце у него оборвалось ещё до того, как он успел прочитать хоть строчку.

- Что там? - спросила мама, мгновенно уловив перемену.

Отец долго молчал, вглядываясь в текст.

- Накладка, - сказал он наконец, и голос у него был не похож на обычный, ровный, отцовский голос. - диспетчерская служба пишет, что на наши стартовые дни может лечь мощный выброс с Солнца - прогноз радиационной обстановки резко ухудшился. Если он пройдёт через нашу трассу перелёта, лететь неделю насквозь через такое будет просто небезопасно. Тогда старт придётся отложить, переждать бурю, а пока ждём, нужное расположение планет разъедется, и вахту сдвинут на осень.

В кухне стало очень тихо. Рома стоял, не дыша, и смотрел на отца так, будто от одного взгляда могло что-то измениться.

- Это значит, что мы не летим? - выдавил он наконец.

- Это значит, - медленно сказал отец, - что прямо сейчас я узнаю.

И, не дожидаясь ответа, бросился к коммуникатору - звонить на диспетчерскую станцию, в управление полётами, кому угодно, кто мог бы сказать наверняка: состоится ли завтрашний вылет, или вся большая подготовка, все пять месяцев ожидания, медкомиссия, центрифуга, орбитальный лифт, мамины списки лекарств и бабушкин медный пятак - окажутся пустыми хлопотами перед долгим, бесконечно долгим летом без всякой Европы.

Рома сидел на краешке стула, сжимая в кулаке холодный пятак, и впервые за пять месяцев по-настоящему боялся.

Не радиации. Не перегрузок. Не чёрной бездны подо льдом.

Он боялся, что никуда не полетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.